

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А.А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.

Новая книга А.А. Зализняка посвящена исследованию вопроса, который до сих пор не подвергался пристальному рассмотрению ни в рамках русистики или славистики, ни тем более в работах теоретического направления: распределению «ваккернагелевских» энклитик в древнерусском языке. Значение этой работы тройко. Во-первых, это первый опыт синтетического описания системы энклитик, имеющий огромную самостоятельную ценность для русистики, и в первую очередь для изучения древнерусских текстов (пример такого использования можно найти в работах самого А.А. Зализняка – ср. разбор свидетельств системы энклитик для датирования «Слова о полку Игореве» [Зализняк 2007]). Во-вторых, она предоставляет значительный материал для сравнительного и сравнительно-исторического языкознания: как отмечает сам автор (с. 4–5), система древнерусских энклитик может быть сопоставлена с аналогичными системами в живых славянских и древних индоевропейских языках (добавим к этому списку и другие живые языки, такие как вальбири, кашмири или ретороманский). В-третьих, рецензируемая книга предоставляет значительный эмпирический материал для уточнения теоретических положений, применимых к соответствующим феноменам.

Забегая вперед, необходимо сразу отметить, что описание системы древнерусских энклитик в рецензируемой работе делается с абсолютно нейтральных теоретических позиций. Автор не вводит ни одного нового теоретического конструкта (см., однако, ниже о его понимании клаузы) и не обсуждает теоретического статуса вводимых им категорий (в первую очередь категории ритмико-синтаксического барьера). Это ни в коей мере не является недостатком работы: напротив, такое решение позволяет добиться максимальной эксплицитности описания, не вдаваясь в обсуждение теоретиче-

ских задач, которых автор перед собой, в сущности, и не ставит.

Книга состоит из Введения, пяти глав и Заключения. Во Введении обсуждаются основные сведения и теоретические конструкты, принимаемые в дальнейшем изложении в качестве аксиом. Многие из них уже знакомы читателям по иным работам А.А. Зализняка, в частности [Зализняк 1985]: без обсуждения основ древнерусской акцентологической системы невозможно понять устройство системы энклитик, которые в первом приближении стоят «после первого ударного слова»: *аще бо бы ся искоренилъ*.

Важное место во Введении занимает обсуждение понятия клаузы, на котором стоит остановиться подробнее. А.А. Зализняк использует определение, в целом сходное с данным в [Тестелец 2001]: клаузой считается любая группа, вершиной которой является глагол, связка или аналогичный ей грамматический элемент. При этом делается ряд оговорок: так, согласно определению Я.Г. Тестельца, клаузой является любое сложное предложение, но А.А. Зализняк таким пониманием не пользуется. В его понимании сложное предложение целиком составляет одну клаузу только в том случае, когда, подчиненное простое предложение «вклинено» в главное (с. 13): так, весь отрезок [*а что есмь придобылъ золота, [что ми далъ Богъ], и коробочку золотую*] представляет собой одну клаузу (при этом подчеркнутый отрезок также является самостоятельной клаузой, т. е. речь идет о вложении). При этом в сложном предложении [*како приде ся грамота*], [*тако пришли ми цоловѣкъ на жерепецѣ*] только простые предложения составляют отдельные клаузы. С другой стороны, единичными клаузами считаются и конструкции с подчиненным инфинитивом, которые, строго говоря, могут рассматриваться как две клаузы.

В сущности, те поправки, которые А.А. Зализняк вносит в понятие клаузы, связаны с тем, что определение этой категории происходит не на основании априорных теоретических положений, а индуктивно: если оказывается, что для правильного описания древнерусских энклитик некоторые единицы, которые являются клаузами согласно априорному определению, не нужны, эти единицы исключаются из числа клауз в релевантном понимании. Здесь следует отметить, что как таковое понятие клаузы для описания расстановки энклитик, в сущности, не нужно: первичным понятием здесь является не сама клауза, а ее граница, относительно которой определяется положение энклитик. В этом смысле определение Я.Г. Тестельца, для которого важнейшим является иерархический аспект, действительно оказывается не вполне подходящим: для целей рассматриваемой работы более важную роль играют размеченные определенными границами речевые отрезки. Понятие клаузы вводится постольку, поскольку оказывается, что релевантные для расстановки энклитик границы во многом совпадают с границами клауз «иерархических». В этом смысле подход А.А. Зализняка оказывается близок ряду течений в рамках так называемой «просодической фонологии»: теоретическому подходу, согласно которому расстановка границ фонологических составляющих (например, фонологической фразы) определяется границами составляющих синтаксических, но не изоморфна им (ср., к примеру, [Clements 1978; Chen 1987] и особенно [Neeleman 2005]).

Глава I («Основные закономерности расположения энклитик») посвящена реализации в древнерусском языке закона Ваккернагеля. Основной закономерностью размещения рассматриваемого в книге класса энклитик является то, что они входят в первую тактовую группу в составе клаузы (где под тактовой группой в общем случае понимается словоформа и относящиеся к ней клитики разных типов). При этом вводится также понятие рангов энклитик: ранг энклитики определяет ее место относительно прочих, так что энклитика более высокого ранга в составе первой тактовой группы клаузы всегда предшествует энклитике более низкого ранга, притом что энклитики одного ранга в одной клаузе несовместимы (крайне уместным представляется сравнение этой ситуации с морфемной структурой слова (с. 30)). Кроме того, в главе вводится и обосновывается важное уточнение к закону Ваккернагеля, связанное с понятием ритмико-синтаксического барьера, и выявляются ограничения на расстановку таких барьеров. Сущность ритмико-синтаксического барьера заключается в том, что ваккернагелевские энклитики могут входить в состав не

только первой тактовой группы всей клаузы, но и первой тактовой группы после такого барьера: *доколѣ со Всеволодомъ и Давыдомъ // любо сѧ оуладимъ* [...].

Существенную роль в дальнейшем анализе играют также понятия сильных и слабых энклитик. Статус энклитики как сильной или слабой определяется в зависимости от ее ранга и связан с возможностью размещения данной энклитики в месте, отличном от «главной» позиции для энклитик в рамках данной клаузы: сильные энклитики всегда или почти всегда стоят на каноническом месте в рамках клаузы, слабые сравнительно легко могут занимать другие позиции. Разделение между сильными и слабыми энклитиками также существенно в том смысле, что при наличии двух блоков энклитик в одной клаузе (что возможно, конечно, только при наличии барьера) разделение на блоки проходит в точности по границе между сильными и слабыми энклитиками. Кроме того, статус энклитики как сильной или слабой связан с тем, действуют ли на данную энклитику различные типы барьеров. А.А. Зализняк выделяет три типа барьеров: обязательные (строго требуемые определенными синтаксическими структурами), полуобязательные (также возникающие в определенных синтаксических условиях, но существенные только для расстановки слабых энклитик) и факультативные (связанные в первую очередь с дискурсивными свойствами высказывания). В этой главе также перечисляются подчиняющиеся закону Ваккернагеля энклитики и их ранги, а также проводится классификация различных клауз. Важное место в книге занимают вводимые в этой же главе коэффициенты препозиции (отношение числа случаев, где некоторая энклитика предшествует сказуемому, к числу случаев, где общие правила не требуют размещения энклитики после сказуемого) и неавтоматической постпозиции (отношение к этому же числу случаев, когда энклитика действительно следует за сказуемым в нарушение общих правил) (с. 66). Проще говоря, эта мера показывает, насколько конкретная энклитика нарушает общие правила древнерусского языка, и позволяет проследить процесс распада системы энклитик и появления нового правила, требующего размещения энклитик (в первую очередь рефлексивной *сѧ*) непосредственно после подчиняющего их слова. Завершается глава замечаниями о способах формирования тактовых групп.

Остальные главы рецензируемой книги являются, по сути, развернутую иллюстрацию принципов, представленных в Главе I.

Глава 2 («Народное и книжное в древнерусских памятниках») посвящена различию в поведении энклитик, обнаруживаемому в

памятниках древнерусского языка, причем внимание автора сосредоточено на различиях в распределении энклитик, обусловленных не только хронологией, но и жанром памятника (а точнее – отдельных фрагментов каждого памятника). В главе продемонстрирована необходимость различения книжных и народных памятников. А.А. Зализняк проводит подробный разбор расстановки энклитик в двух типах памятников, относящихся к одному временному срезу, на примере Жития Феодосия (книжный тип) и ранних берестяных грамот и Киев-Д (фрагменты, передающие прямую речь, в Киевской летописи по Ипатьевскому списку). Эти тексты обнаруживают важные различия в расстановке энклитик, в первую очередь слабых: в Фсод. слабые энклитики гораздо хуже следуют правилам расстановки энклитик, определяемым просодической структурой высказывания. А.А. Зализняк объясняет эти различия тем, что слабые энклитики в книжном произношении (если не в реальном, то в том идеальном его образе, на который ориентировались переписчики книжного текста) являлись полноударными словами, что, естественно, отменяет действие требований закона Ваккернагеля и других правил. Это объяснение представляется нам достаточно правдоподобным, однако, строго говоря, нельзя исключать и такого положения дел, при котором ударность соответствующих единиц определяется лишь на весьма абстрактном уровне: хорошо известно, что фонологическая ударность либо безударность словоформ в древнерусском языке не всегда прямо коррелирует с наличием фонетического выделения одного из слогов (достаточно вспомнить о существовании энклиноменов). Это значит, в свою очередь, что и поведение соответствующих слабых энклитик как фонологически ударных либо безударных единиц (соответственно словоформ или энклитик) не обязательно должно быть связано с наличием фонетического ударения, которое А.А. Зализняк здесь предполагает необходимым для объяснения наблюдаемых эффектов. Иными словами, «неправильное» поведение слабых энклитик может быть связано с их фонетическими свойствами, но эта связь не является логически необходимой. Возможно, речь идет о действительном грамматическом различии двух регистров древнерусского письменного языка, возникшем иным, не «социолингвистическим» способом. Причины такого различия, однако, неясны (А.А. Зализняк отмечает, что живые южнославянские языки в этом аспекте, по всей видимости, были близки русскому), и объяснение А.А. Зализняка остается, видимо, наиболее правдоподобным.

Глава 3 («Эволюция энклитических и полноударных местоимений (кроме *ся*)») посвящена диахронии энклитических местоимений (типа *мя, ты, ны*) в сравнении с полноударными формами (типа *мене, тебе, насъ*). А.А. Зализняк перечисляет факторы, управляющие выбором энклитических либо полноударных местоимений в реконструируемом додревнерусском периоде и прослеживает эволюцию этих правил до современного состояния (в котором, как известно, энклитические местоимения, кроме *ся*, во все исчезли). Приводимые в этой главе данные показывают экспансию полноударных форм, в первую очередь в двойственном и множественном числе, в раннедревнерусский период. В позднедревнерусский период эта экспансия также шла весьма активно, но отражение это находит только в памятниках некнижной речи (в первую очередь берестяных грамотах), где набор энклитических местоимений сокращается до 1-го и 2-го лица единственного числа, притом что и их частотность резко сокращается; в книжных текстах с XV века энклитические местоимения сохраняются хорошо. Здесь нельзя не принять объяснение А.А. Зализняка, согласно которому их употребление становится грамматическим маркером, обязательным для книжного стиля. Глава завершается кратким обсуждением вопроса о клитическом употреблении бывших полноударных форм типа *его, ему* (ср. болг. *го, му*).

В главе 4 рассматривается эволюция энклитики *ся*, которая, в отличие от других объектных местоимений-энклитик, не исчезла, а грамматикализовалась в качестве морфемы. Для всех прочих энклитик сдвиг вправо был возможен лишь при наличии барьеров, то есть в строго определенных синтаксических и/или дискурсивных условиях: в результате они могли оказываться в постпозиции нена начального глагола в сравнительно небольшом числе случаев, и такое положение не смогло закрепиться в качестве обязательного. Кроме того, *ся*, в отличие от других местоименных энклитик, не могло быть полностью заменено полноударным *себе*, так как последнее имело целый ряд функций, не свойственных полноударной форме (как, в сущности, и в современном русском языке).

В этой главе показано, как в похожих условиях сформировалось особое поведение *-ся*. Внимание автора обращено, во-первых, на жанровые различия (книжная либо некнижная ориентация текста), во-вторых, – на условия, способствующие разрушению закона Ваккернагеля и закреплению постпозиции *ся*. Оказывается, что наиболее существенными грамматическими факторами стали употребление неличных глагольных форм (что А.А. Зализняк

связывает с их низкой степенью предикативности, ослабляющей применимость закона Ваккернагеля) и тип клаузы (ее начальное слово, форма вершинного глагола и осложненность клаузы). В главе прослежена эволюция позиции *ся* в памятниках разного типа и времени в разных типах клауз. Оказывается, что в народных памятниках наблюдается постепенная эволюция *ся* от обычной слабой ваккернагелевской энклитики до морфемы, хорошо коррелирующая с хронологией. В то же время уже в самых ранних книжных памятниках *ся* почти никогда не выступает в препозиции к ненаначальному глаголу, то есть, по сути, близка своим поведением к современной русской морфеме *-ся*. Это явление А.А. Зализняк связывает с влиянием старославянского языка.

Глава 5 («Эволюция связок») прослеживает развитие последнего класса слабых энклитик, которые в современном русском языке практически полностью исчезли. В этой главе рассматривается вопрос просодического статуса связок (в связи с необходимостью исключить из рассмотрения их полноударные формы) и прослеживается конкуренция связок и победивших в современном языке бессвязочных конструкций. Обнаруженные различия в просодическом статусе, связанные с книжностью текста (как и в прочих случаях, ваккернагелевское поведение энклитик оказывается характерным в первую очередь для некнижного регистра), А.А. Зализняк также связывает с фонетическими особенностями некнижного произношения (что, как мы отвечали выше, не является логически необходимым).

Кроме того, в этой главе прослеживается процесс утраты связок: выделяются правила их употребления в древнерусском языке в различных контекстах и показано появление нового правила, заключающегося в снятии ограничений на употребление местоимений и соответственном вытеснении связок. Такое «дополнительное распределение» А.А. Зализняк объясняет функциональным сходством конструкций со связками и местоимениями и действующим в живом (но не в книжном) языке избеганием дублирования информации (возможно либо *еси даль*, либо *ты даль*, но не избыточное *ты еси даль*).

В Заключении подводятся итоги исследований, представленных в первых главах книги, и вновь обрисовывается картина развития энклитик от почти чистого «ваккернагелевского» состояния раннедревнерусского живого языка до почти полной их утраты в современном языке при сохранении совершенно особой картины в книжных памятниках, связанной с традицией торжественного чтения вслух книжных текстов.

Значение рецензируемой работы для русской и славянской филологии трудно переоценить: в книге содержится огромный объем ранее, по сути, неизвестных данных о русском синтаксисе, которые несомненно важны и в общеславянском контексте. Остается надеяться, что подобные исследования будут проведены и для других славянских языков, позволив обрисовать картину поведения ваккернагелевских энклитик в славянском мире и предоставив значительный материал для сравнения с другими древними индоевропейскими языками.

В заключение рецензии мы попытаемся обрисовать значение работы А.А. Зализняк в контексте современной теоретической лингвистики. Изучение феноменов, связанных со второй позицией в предложении, было традиционно сосредоточено вокруг двух типов явлений: ваккернагелевских клитик и языков типа германских с расположением глагола на втором месте по крайней мере в некоторых типах клауз ([Циммерлинг 2002; Anderson 2005] с библиографией). Нам представляется весьма поучительным сравнение того, как описывают системы «ваккернагелевских» клитик (или «клитик второй позиции») А.А. Зализняк и С. Андерсон, который в гл. 6 своей монографии приводит подробное описание тагальских клитик.

Многие элементы этих описаний весьма похожи. Так, система рангов А.А. Зализняк устроена, в сущности, так же, как сформулированные С. Андерсоном в рамках теории оптимальности ограничения на размещение конкретных клитик. Однако здесь нам хотелось бы обратить внимание на важное различие этих двух работ, которое связано с различиями в подходах их авторов. А.А. Зализняк формулирует описательные обобщения на основе имеющихся данных; перед С. Андерсоном же стоит задача объяснить данные на основе сделанных ранее теоретических допущений. В связи с этим ему необходимо всякий раз принимать решения относительно теоретического статуса сделанных им эмпирических наблюдений. Так, он замечает, что в тагальском клитики могут занимать позицию после первого слова, следующего за дискурсивно выделенной составляющей, – в сущности, это и есть ритмико-синтаксический барьер. Однако система теоретических допущений требует не останавливаться на этой констатации, а определить тип составляющей, вторую позицию в которой занимают клитики. Из-за этого С. Андерсон вынужден вводить дифференциацию ограничений на размещение клитик в различных типах составляющих (в его системе это узлы CP и IP).

Не исключено, что более подробное рассмотрение тагальских конструкций с различной просодической структурой, не ограничивающееся двумя типами, которые принял во внимание С. Андерсон, помогло бы обнаружить более тонкие различия, которые не сводятся к (никак не объясняемому) различию двух конкретных типов узлов, но позволяют вывести это различие из понятия о достаточно общей категории синтаксических единиц, которые как бы «обнуляют счетчик» позиций для расстановки энклитик (как уже говорилось выше, ритмико-синтаксические барьеры А.А. Зализняка обладают сходством скорее с просодическими граничными символами, чем со скобочной записью иерархической синтаксической структуры; заметим в скобках, что как раз границы IP и CP с высокой вероятностью приводят к появлению таких просодических границ). Широкий эмпирический охват работы А.А. Зализняка в сочетании с теоретической нейтральностью позволяет делать обладающие хорошей предсказательной силой обобщения, не зависящие от конкретных представлений о синтаксической и просодической типологии и теории. В этом заключается огромная ценность рецензируемой работы: остается надеяться, что теоретические обобщения относительно феноменов «второй позиции» (и не только) в будущем возможно будет строить на основе столь же тщательно и корректно собранных и обработанных данных

реального языкового употребления – конечно, со всеми оговорками филологического и социолингвистического характера, касающимися работы, как в данном случае, с древними языками*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1985 – А.А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2007 – А.А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 2-е изд. М., 2007.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Циммерлинг 2002 – А.В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Anderson 2005 – St.R. Anderson. Aspects of the theory of clitics. Oxford, 2005.
- Chen 1987 – M.Y. Chen. The syntax of Xiamen tone sandhi // Phonology yearbook. 4. 1987.
- Clements 1978 – G.N. Clements. Tone and syntax in Ewe // Donna Jo Napoli (ed.). Elements of tone, stress, and intonation. Washington, 1978.
- Neeleman 2005 – Ad. Neeleman. Soft mutation at the interface // H. Broekhuis et al. (eds.). Organizing Grammar; Linguistic Studies in Honor of Henk van Riemsdijk. Berlin, 2005.